

Триодин Иван Павлович

**Принципы красноречия и
проповедничества**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Павлович Т.**
Принципы красноречия и проповедничества / Триодин Иван Павлович – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 248 с.

ISBN 978-5-519-77430-7

ISBN 978-5-519-77430-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ныхъ учрежденійхъ, въ судахъ, на митингахъ. Какіе только абсурды и поп-sens'ы здѣсь иногда не защищаются? Оправдываются отцеубійства, грабежъ, влятвопреступленія, доказываются совершенно недоказуемыя вещи, и ораторы съ помощью *краснорѣчія* находятъ даже сторонниковъ себѣ. Но далеко не всегда оратору удастся склонить слушателей на свою сторону: слушая его, они иногда еще больше убѣждаются въ справедливости *своихъ личныхъ* сужденій по данному вопросу, и тогда хоть ораторъ лѣзь изъ кожи вонъ, доказывая невинность преступника, присяжные выносятъ послѣднему обвинительный приговоръ. Часто бываетъ, что пока ораторъ говорилъ, тогда онъ и вліялъ на своихъ слушателей; замолкъ онъ—окончилось и его обольщеніе и слушатели предоставлены самимъ себѣ. И временами хочется сказать вмѣстѣ съ Паскалемъ, что человѣкъ, независимо отъ всякаго посторонняго краснорѣчія, наиболѣе убѣждается тѣми доводами, которые онъ самъ нашель. Повидимому, какое краснорѣчивое слово ни произнесите предъ лѣнтяемъ о вредѣ лѣности и о радостяхъ труда, или предъ скрягой — о милосердіи, или предъ пьяницей—о вредѣ пьянства, или предъ влюбленнымъ — о безразсудствѣ его любви, всѣ они мало послушаютъ васъ и въ огромномъ большинствѣ случаевъ будутъ продолжать прежнюю жизнь. Иное дѣло самоубѣжденіе.

И потому блаженъ ораторъ лишь тогда, когда онъ говоритъ людямъ, субъективно настроеннымъ воспріять его слова, т. е. тѣмъ, кто сами уже раньше его рѣчи много думали и горячо желали того, въ чему нынѣ призываетъ ихъ ораторъ. Тогда самолюбіе слушателей будетъ удовлетворено, такъ какъ каждому человѣку бываетъ пріятно читать или слышать истины, кои пришли ему самому еще раньше. Слушая, мы въ такихъ случаяхъ вырастаемъ въ своихъ глазахъ и, такимъ образомъ, психологическая почва для воспріятія слышимаго нами бываетъ обезпечена, ибо рѣчь оратора бываетъ тогда близка сердцу нашему. Потому и принято толковать, что однимъ изъ условій дѣйственности ораторскаго слова является внутреннее одобреніе и сочувствіе слушателей тому, что говоритъ ораторъ. Чуждая намъ тема, неинтересная и отдаленная, едва ли повліяетъ на насъ, хотя бы говорящій по поводу ея ораторъ говорилъ по всѣмъ правиламъ своего искусства. Кузьма Мининъ повліялъ своей рѣчью на нижегородцевъ не только потому, что самъ онъ былъ взволнованъ бѣдствиями родины, а и потому,

главнымъ образомъ, что и слушатели страдали о ней не меньше его. Вѣдь вообще когда рѣчь идетъ о краснорѣчіи, всегда имѣются въ виду двѣ стороны—самъ ораторъ и слушатели,—и хороша рѣчь тогда, когда между обѣими этими сторонами существуетъ гармоническое единеніе и когда одинъ близко подходитъ къ другимъ. Ибо представьте себѣ митрополита Филарета, произносящаго свое слово въ великій пятокъ на текстъ „совершишася“, или Достоевскаго, произносящаго свою рѣчь о Пушкинѣ предъ простыми, необразованными людьми. Едва ли бы эти слова понравились аудиторіи. Равнымъ образомъ и образованному человѣку не понравится рѣчь, трактующая неинтересный для него предметъ. Вотъ почему снова выясняется для насъ, повидимому ненужность краснорѣчія, ибо оно оказывается далеко не всегда дѣйственнымъ, а тамъ гдѣ рѣчь оказалась дѣйственной, далеко не всегда была она красна. Въ частности и о проповѣдническомъ краснорѣчіи можно сказать, что и оно не застраховано отъ бездѣйственности, коль скоро слушатели относятся индифферентно къ вѣрѣ и религіи, ибо въ такомъ случаѣ ихъ самолюбіе, выражающееся въ интересѣ, не будетъ стоять на сторонѣ проповѣдника. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ предыдущихъ разсужденій, повидимому, выходитъ, что краснорѣчіе во—1) излишне, во—) бесполезно и въ 3) относительно, ибо что для одного кажется перломъ краснорѣчія, то для другого — „рѣчь, богатая словами и звономъ фразъ, но нищая значеніемъ“ („Макбетъ“).

Самымъ серьезнымъ возраженіемъ противъ цѣнности краснорѣчія является то, какое высказываетъ *Кантъ* во второй книгѣ, §§ 51 и 53 своей „Критики способности сужденія“. Великій философъ видитъ въ краснорѣчіи искусство обманывать слушателей посредствомъ пертурбаціи и путаницы, вносимыхъ имъ въ дѣятельность главныхъ духовныхъ способностей человѣка. Намъ необходимо подробнѣе остановиться на возраженіи *Канта*, ибо онъ объявилъ ему, можно сказать, рѣшительную войну. Извѣстно, какое великое значеніе придавалъ *Кантъ* чистому разуму, свободному отъ вліянія всякихъ чувствъ и увлеченій. Взять хотя бы нравственную дѣятельность человѣка,—онъ требовалъ исполненія нравственнаго закона въ силу уваженія къ нему; исполненіе же закона по соображеніямъ иного характера,—хотя бы относительно безкорыстнымъ,—онъ уже не признавалъ нравственнымъ. Общанія наградъ за исполненіе и наказаній за преступленія закона *Кантъ* осуждалъ. Надо, чтобы мы при рѣшеніи того или иного моральнаго вопроса руководи-

лись только разсудкомъ, избѣгая при этомъ всякаго вмѣшательства со стороны чувствъ или воображенія. Для него аффективная сторона нашего духа—патологическая сторона; душа здорова, по его мнѣнію, лишь тогда, когда она состоитъ подъ исключительной гегемоніей и единственнымъ водителевствомъ разума, а все, что устраняетъ такъ или иначе, или даже колеблетъ господство разума, является для Канта ненормальнымъ придаткомъ, и вредной лигатурой человѣческаго существа, каковое надо человѣку изъ всѣхъ силъ подавлять. Понятно, поэтому, что краснорѣчіе, которое, въ цѣляхъ вліянія на человѣка, обращается не только къ разуму, а и къ воображенію и чувству его, Кантъ считаетъ не только бесполезнымъ, но даже прямо вреднымъ и сурово осуждаетъ его. „Еще недостаточно --говоритъ онъ—дѣлать что-нибудь, что составляетъ наше право, но это надо дѣлать только на томъ единственномъ основаніи, что это —*право*“¹⁾). Значить, иныя основанія прямо не нужны.

Обратимся теперь къ краснорѣчію: оно никогда не поступало въ своихъ вліяніяхъ на человѣка такъ, какъ того желалъ бы Кантъ. Что это за краснорѣчіе, когда ораторъ, говоря напр., о необходимости какой-нибудь реформы, или проповѣдникъ, стремясь воспитать какую-нибудь добродѣтель въ душахъ слушателей, стануть лишь взывать къ чувству долга и уваженія къ проповѣдуемымъ ими идеямъ, не приводя никакихъ иныхъ мотивовъ. Настоящій ораторъ стремится вліять на всѣ стороны духа человѣческаго и всего менѣе, по большой части, думаетъ о категорическомъ императивѣ. Онъ излагаетъ всѣ *выгоды* и *невыгоды* не только высшаго, а и сравнительно низшаго порядка и этимъ вліяетъ на слушателей. Выражаясь языкомъ Канта, ораторъ и проповѣдникъ призываютъ на помощь человѣческую „чувственность“, подъ каковымъ терминомъ разумѣются и чувства и воображеніе человѣка. Вотъ это и не нравится великому философу, вотъ за это то онъ и осуждаетъ краснорѣчіе. „Краснорѣчіе, разсуждаетъ онъ, поскольку подъ нимъ понимаютъ искусство убѣжденія, т. е. обмана путемъ красивой иллюзіи (какъ *ars oratoria*), а не только какъ красота рѣчи (изящество и стиль), это —діалектика, которая заимствуетъ отъ поэзіи только столько, сколько ей нужно для того, чтобы до рѣшенія привлечь слушателей на сторону оратора и, такимъ образомъ, въ его интересахъ лишить слушателей свободы; слѣдовательно его нельзя рекомендовать ни для судебныхъ дѣлъ, ни для кааед-

¹⁾ Op. cit., стр. 204, перев. Н. М. Соколова, СПб. 1898.

ры. Если дѣло идетъ о гражданскихъ законахъ, о правѣ частныхъ лицъ или о твердыхъ заповѣдяхъ и урокахъ для жизни ради правильного пониманія и добросовѣстнаго исполненія долга, то гораздо ниже высокаго достоинства такого серьезнаго дѣла обнаруживать даже слабые признаки излишества остроумія и воображенія и особенно признаки искусства заговаривать и обманомъ склонять къ интересамъ кого бы то ни было. Если оно иногда и служить законнымъ и достойнымъ похвалы цѣлямъ, то въ общемъ его все-таки необходимо устранить, именно потому, что этимъ путемъ съ субъективной стороны портятся максимы и моральное настроеніе, хотя бы дѣло съ объективной стороны и было закономѣрнымъ... Я долженъ сознаться, что красивое стихотвореніе всегда доставляетъ мнѣ чистое художественное наслажденіе, тогда какъ чтеніе лучшихъ рѣчей римскаго народа или теперешнихъ ораторовъ парламента и церковныхъ проповѣдниковъ у меня всегда соединяется съ непріятнымъ чувствомъ, съ какимъ то порицаніемъ этого коварнаго искусства, которое въ серьезныхъ дѣлахъ умѣетъ распоряжаться людьми, какъ машинами, склоняя ихъ въ такому сужденію, которое при спокойномъ размысленіи должно утратить для нихъ всякое значеніе. Изыщество и красота рѣчи (а вмѣстѣ это реторика) относятся къ изящнымъ искусствамъ; а искусство краснорѣчія, какъ искусство пользоваться слабостями людей для цѣлей оратора, отнюдь не достойно уваженія. Какъ въ Аѳинахъ, такъ и въ Римѣ оно поднялось до своей высшей степени въ то время, когда эти государства спѣшили уже навстрѣчу своей гибели, а истинно патріотическій образъ мышленія уже угасъ“ ¹⁾).

По Канту выходитъ, что разъ ораторъ всегда имѣетъ въ виду дать урокъ поведенія, указать какой-нибудь *путь жизни*, а это должно рѣшаться разумомъ человѣка, то настоящая, священная задача проповѣдника и оратора—цѣлесообразное воздѣйствіе на разумъ слушателей. Между тѣмъ ораторы, по большей части сбиваясь съ этого своего прямого пути, занимаются пустяками, а именно заигрываютъ съ воображеніемъ слушателей и зачастую къ нему лишь и обращаются, а это свидѣтельствуетъ о банкротствѣ и несостоятельности краснорѣчія, ибо оно не выполняетъ того, что *implicite* обѣщало.

Въ данномъ случаѣ *умѣстно сравнить пути и тенденціи краснорѣчія съ путями и цѣлями другого словеснаго искусства — поэзіи*. Последняя имѣетъ въ виду свободную игру воображенія, но съ тѣмъ

¹⁾ *ibid.*

вмѣстѣ она весьма многое даетъ и для работы ума, и получается впечатлѣніе, что эта работа и была цѣлью поэзіи. Поэтъ начинаетъ дѣло игрой съ понятіями: онъ оживляетъ мертвое и безчувственное, онъ надѣляетъ душою и вѣжными чувствами море, лѣсъ, горы, звѣзды, тучу, парусъ, вѣтку, птицу и т. п., представляя ихъ, такимъ образомъ, совсѣмъ не въ томъ видѣ, какъ они существуютъ *in re*. Прямо становится очевиднымъ абсурдность съ чисто разсудочной точки зрѣнія такого взгляда на природу. Но мы понимаемъ, что поэтъ вѣдь лишь играетъ съ понятіями, ибо эта игра и есть его прямое дѣло. Но поэзія не ограничивается одною игрою и чувственнымъ наслажденіемъ слушателя, — подобно музыкѣ, которая, лаская наши чувства посредствомъ возбужденія пріятныхъ ощущеній, ничего не даетъ для понятія для разума, — поэзія отъ игры воображенія переходитъ къ культурѣ ума. Читая поэтическія произведенія, мы не только участвуемъ въ игрѣ воображенія, а и просвѣщаемся умственно, обогащаясь идеями. Такимъ образомъ поэзія идетъ совершенно обратнымъ, сравнительно съ краснорѣчіемъ, путемъ: она, имѣя въ виду интересную игру воображенія, культивируетъ умъ; краснорѣчіе же, имѣя въ виду культуру ума, не доводитъ этой задачи до конца и сбивается на игру воображенія. Отсюда ясно, что поэзія почтеннѣе и достойнѣе краснорѣчія, ибо она не только выполняетъ то, что составляетъ ея прямую задачу, а и дѣлаетъ большее, именно просвѣщаетъ умъ человѣка, тогда какъ краснорѣчіе не дѣлаетъ и того, что составляетъ его прямую обязанность. Отсюда логически и слѣдуетъ, хотя Кантъ не говоритъ этого буквально: да будетъ поэзія и *regeat eloquentia* (и да погибнетъ краснорѣчіе).

Критика возраженія Канта противъ краснорѣчія.

Дабы понять сущность и основные принципы краснорѣчія, намъ необходимо разобрать возраженіе Канта. Взглядъ Канта на краснорѣчіе обуславливается крайнимъ раціонализмомъ всей его философіи и страдаетъ теоретичностью, какъ вся его, особливо моральная, философія. Кантъ не трактуетъ человѣка такъ, какъ онъ есть, и требуетъ отъ него такого напряженія энергіи, какого онъ не можетъ проявить. Въ дѣйствительности мало найдется людей, которые исполняютъ законъ изъ одного лишь безкорыстнаго преклоненія предъ категорическимъ императивомъ, а потому дѣлать подобное предписаніе

человѣку значить фантазировать относительно его природы. Да и почему, въ самомъ дѣлѣ, устранять чувства отъ работы, имѣющей цѣлью нравственное возрожденіе человѣка? Жалко и странно такое представленіе о человѣкѣ, которое разсматриваетъ радость и горе, состраданіе и гнѣвъ, страхъ и надежду, какъ совсѣмъ ненормальныя состоянія, какъ болѣзни духа, коихъ надо всячески избѣгать. Это слишкомъ узкое представленіе о человѣкѣ. Ужели способность преклоняться предъ высокимъ, восторгаться прекраснымъ, чувствовать отвращеніе отъ всего уродливаго, гнуснаго, позорнаго-болѣзненнаго явленія нашего духа, которыми не надо ни мало руководиться въ нашемъ поведеніи? Человѣкъ берется въ такомъ случаѣ ужъ какъ какое то особенное, половинчатое существо. По Канту такъ и выходитъ, — нормальнымъ человѣкомъ можетъ считаться только совершенно безстрастный, сухой, разсудочный и холодный счетчикъ, живущій сплошь раціональными умозаключеніями и считающій всѣ чувства исходящими *ἀπὸ τοῦ πονηροῦ*. „Развѣ не покажется удивительнымъ, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ психологовъ, воззрѣніе на взаимное отношеніе душевныхъ силъ, желающее видѣть нѣчто случайное въ такомъ явленіи, которое играетъ въ душевной жизни большей части людей гораздо болѣе значительную роль, чѣмъ здравый разсудокъ, и которое въ гораздо большей степени, чѣмъ послѣдній, руководятъ судьбою не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ народовъ и всего человѣчества?“¹⁾

Нельзя не согласиться съ Кантомъ въ томъ, что воображеніе, чувства и особенно страсти вредятъ способности человѣка къ изслѣдованію и разсужденіямъ: ослѣпленный ненавистью, человѣкъ не видитъ добрыхъ и похвальныхъ чертъ въ своемъ врагѣ, влюбленный, наоборотъ, не видитъ дурныхъ чертъ въ объектѣ своей любви, страхъ дѣлаетъ толпу людей безумною и т. д. и т. д. Тѣмъ не менѣе всѣ эти чувства—„человѣческое, слишкомъ человѣческое“, и какъ нельзя человѣку измѣнить свою фізіономію или превратить себя въ павлина или аиста, такъ нельзя безъ тяжелаго духовнаго искалѣченія заглушить въ себѣ чувства. Едва ли здоровъ и нормаленъ тотъ, кто умѣетъ только думать, разсуждать и строить умозаключенія, но совсѣмъ заглушилъ въ себѣ чувства. Да и едва ли возможны такіе люди, ибо какъ говоритъ Пиндаръ: „*ἄμαλόν δὲ κρύψαι τὸ συγγενὲς ἥθος*“²⁾ (нельзя скрыть

1) Ланге «Душевные движенія», изд. Ф. Павленкова, СПб. 1896, стр. 13—14.

2) Пиндаръ, 'Ολὺμπία" XIII, 16.

врожденныхъ свойствъ). Чувство прорывается всюду и вся исторія чело-
вѣчества есть въ большой мѣрѣ плодъ страстей чело-вѣчества. „Хладнокровныя
соображенія не составляютъ исторіи, говоритъ Моммзентъ, не разсудокъ, а
страсть созидаютъ для будущаго“ ¹⁾ Даже тамъ, гдѣ, повидимому, всего
менѣе надо бы ожидать вліянія чувствъ и страстей, напр. въ созиданіи фи-
лософскихъ ученій, и здѣсь мы видимъ это вліяніе. Несомнѣнно и то, что
если и Кантъ создалъ именно такое, а не иное философское ученіе, то это
не безъ воздѣйствія какого-нибудь опредѣленнаго чувства или настроенія,
такъ какъ чувства въ чело-вѣкѣ имѣютъ столь огромное значеніе, что и от-
рицаніе какого-нибудь изъ нихъ обусловливается, по большей части, каки-
мъ-нибудь другимъ изъ нихъ. Вотъ почему мы и назвали взглядъ Канта на
чело-вѣческую природу теоретичнымъ и одностороннимъ. Съ логической сто-
роны Кантъ правъ, такъ какъ краснорѣчіе, общающее цѣлесообразную дѣя-
тельность ума, всегда и всюду, *in secula seculorum*, начиная отъ Демосфе-
на, Исократы и Цицерона и кончая нынѣшними мастерами слова—парла-
ментскими и не парламентскими, сбивается на „заигрываніе“ съ воображе-
ніемъ и чувствами слушателей. Но дѣло въ томъ, что разъ краснорѣчіе имѣ-
етъ *практическую цѣлесообразность*, разъ оно должно служить *жизни*,
то оно должно руководиться не спекулятивными отвлеченностями, какъ бы
ни были онѣ логически послѣдовательны, а реальными законами жизни и дѣй-
ствительными, а не фантастическими воззрѣніями на чело-вѣка.

Старинная эстетика любила дѣлить искусства на двѣ категоріи: одни
изъ нихъ имѣютъ своимъ предметомъ и цѣлью удовольствіе чело-вѣка,—„сіи
могли родиться только въ нѣдрахъ веселія и чувствъ, производимыхъ изо-
бильемъ и спокойствіемъ“. ²⁾ Таковы живопись, ваяніе, танцованіе, музыка
и поэзія. Другія искусства имѣютъ въ виду главнымъ образомъ *пользу* че-
ловѣка, а не одно лишь удовольствіе; таковы архитектура и краснорѣчіе.
Оба эти искусства насъ возъ пронизаны утилитарнымъ характеромъ. Архи-
тектура вызвана холодомъ, дождемъ и другими непріятными и вредными для
чело-вѣка стихіями міра, и прототипомъ, дѣдушкой нашихъ пышныхъ палатъ
и дворцовъ надо считать шалашъ первобытнаго чело-вѣка. Краснорѣчіе вы-
звано было необходимостью найти въ себѣ подобномъ поддержку, необходи-

¹⁾ Моммзентъ «Римская исторія», кн. 4.

²⁾ Аббатъ Батэ «Начальныя правила словесности», пер. съ франц. Д. Облеухова
Москва 1806 г., ч. I, гл. I.

мостью научить его и призвать въ нужномъ случаѣ на помощь, прототипомъ пламенныхъ ораторскихъ рѣчей надо считать страстные призывы одного первобытнаго человѣка, обращенные къ другому съ цѣлью склонить его въ томъ или иномъ смыслѣ на свою сторону. *Пріятность*, эластичность и эстетичность присоединились къ этимъ искусствамъ лишь въ послѣдствіи, а раньше они сплошь служили *полезности*, такъ какъ матерью ихъ была *нужда* человѣческая. Посудите сами, до красоты ли будетъ человѣку, которому некуда укрыться отъ дождя.—самымъ безобразнымъ шалашомъ удовольствуется онъ. Лишь болѣе или менѣе освободившись отъ нужды, станетъ онъ помышлять объ украшеніи своего жилья. Но во всякомъ случаѣ и нынѣ въ архитектурѣ главнымъ образомъ цѣнится ея полезность, а не пріятность, ибо какіе бы красивые музеи, храмы и дворцы ни создало нынѣ это искусство, оно неизбѣжно должно дѣлать ихъ съ окнами, съ потолкомъ и съ дверями, т. е. дѣлать ихъ полезными для тѣхъ или иныхъ цѣлей человѣка. Лишь въ памятникахъ и вообще мавзолеяхъ ускользаетъ соображеніе практической полезности и на первый планъ выступаетъ стремленіе къ пріятности, но здѣсь уже архитектура переходитъ въ ваяніе, которое, какъ мы указали, имѣетъ совсѣмъ иной принципъ.

Все сказанное о происхожденіи и сущности архитектуры можно примѣнить, въ цѣляхъ пониманія его, и къ краснорѣчію. Въ этой области въ началѣ тоже было не до пріятности; все опредѣлялось нуждой, а потому и сообразовалось съ принципомъ полезности. Даже теперь, напр., отецъ или мать, обучая сына, внушая ему правила житейской мудрости и поведенія, развѣ заботятся о *пріятности* изложенія своихъ наставленій? И если, напримѣръ, наставленіе Владиміра Мономаха сыновьямъ намъ кажется краснорѣчивымъ, то ужъ во всякомъ случаѣ онъ-то самъ нимало не заботился объ этомъ. Пользу, а не пріятность преслѣдуютъ первѣе всего въ краснорѣчіи, а поэтому въ началѣ было не *краснорѣчіе*, а просто *рѣчь*. Лишь съ развитіемъ людей съ расчетомъ полезности соединился расчетъ пріятности рѣчи. Но и нынѣ полезность всегда является душою и сущностью краснорѣчія, и всякій ораторъ,—школьный, парламентскій, политическій или церковный,—первѣе всего призадумывается надъ тѣмъ, что сказать ему, а затѣмъ уже и надъ тѣмъ, какъ сказать. Практическая полезность для слушателя, какъ бы ни понимать это,—вотъ девизъ и оправданіе всякаго краснорѣчія. Это требуется

отъ него, какъ острота отъ меча, правильность отъ часовъ, сладость отъ сахара, звонъ отъ колокольчика, смыслъ отъ книги. Иначе какъ бы ни прекрасны были эти предметы, какъ бы ни блестящи они, все-же имъ мѣсто окажется среди дѣтскихъ игрушекъ или бутафоріи. Какъ бы ни была пріятна, звучна, пламенна и испещрена рѣчь, но разъ она бесполезна во всѣхъ смыслахъ этого слова, т. е. лишена содержанія, она становится мѣдью звенящей и кимваломъ бряцающимъ, и не заслуживаетъ никакого уваженія. Утилитаризмъ краснорѣчія въ широкомъ смыслѣ слова сознается теперь всѣми,—вотъ почему какіе бы ни выступали въ недавно прошедшіе годы краснорѣчивые пустомели, все же они тщились подчеркнуть въ своихъ рѣчахъ, что великая *польза* для слушателей побуждаетъ ихъ говорить. Музыка, пѣніе, живопись, поэзія свободны отъ необходимости служить практической пользѣ человѣчества, потому поэты, музыканты и пѣвцы считаются въ практическомъ отношеніи мало полезными людьми. Какая въ самомъ дѣлѣ практическая польза отъ поэзіи Анакреона, Гомера Тибулла, Байрона, Лермонтова? Или отъ картинъ Рафаэля, Рембрандта, Мурильо, Рѣпина? Или отъ статуй Антокольскаго? Или отъ музыки Шопена, Вагнера, Чайковскаго? Или отъ пѣнія всѣхъ лучшихъ пѣвцовъ? Правда, всѣ они воспитываютъ въ насъ „чувства добрыя“ и культивируютъ духъ, но практической пользы не даютъ. Мы наслаждаемся этими произведеніями искусства поистинѣ безкорыстно, практической пользы мы не ждемъ; направляясь въ картинную галерею или на концертъ, мы ждемъ *пріятнаго*. Никто не станетъ искать практическихъ наученій въ поэзіи, или жизненныхъ путей въ музыкѣ и живописи, а обратится къ другимъ областямъ человѣческаго разумѣнія. Это потому, что дѣло всѣхъ этихъ искусствъ — игра, воздѣйствіе на нашу „чувственность“, а если поэзія или живопись и даютъ намъ многое для разума нашего, то мы должны благодарить ихъ за это, а не требовать больше, чѣмъ онѣ могутъ дать, ибо оказаніе *пользы* въ концѣ концовъ не ихъ дѣло. Иное дѣло краснорѣчіе: если оно сообразно съ пути полезности и станетъ преслѣдовать только пріятность слушателя, то послѣдній отвернется отъ него, какъ ребенокъ отвертывается отъ деревяннаго „апельсина“ или отъ красивой бумажки, въ которой онъ ожидалъ найти конфекту. Оправданіе краснорѣчію — его полезность, а пріятность уже второстепенна, ибо если ее ставить на первомъ планѣ, то краснорѣчіе можетъ оказаться ненужнымъ при существованіи поэзіи, пѣнія, и музыки.

Итакъ, разъ краснорѣчіе вызвано *нуждою* человѣка и существуетъ въ цѣляхъ полезности для него, то ясно, что оно должно сообразоваться не съ идеальной, а съ наличной, натуральной человѣческой психологіей, т. е. его правила и направленіе должны обусловливаться практическими, а не теоретическими отвлеченными соображеніями. Ибо вообще вѣдь коль скоро мы желаемъ помочь человѣку, то мы должны брать его такимъ, каковъ онъ есть, а не такимъ, какимъ онъ долженъ былъ бы быть. А реальному человѣку, какъ мы видѣли, трудно отрѣшиться отъ вліяній чувства; человѣкъ безъ воображенія и чувствъ—измышленіе заоблочной философіи; а потому если краснорѣчіе и стремится воздѣйствовать на чувство и воображеніе человѣка, то оно дѣлаетъ это *volens-nolens*, такъ какъ имѣетъ дѣло съ живымъ, обыкновеннымъ человѣкомъ, а не съ *homo sapiens* философской фантазіи. И если бы оно поступало иначе, то дѣйствительно надлежало бы его отмѣнить, какъ того желаетъ кенигсбергскій философъ. Опытъ же показываетъ, что чисто разсудочныя рѣчи, избѣгающія всякихъ воздѣйствій на чувство слушателей, оказываются мало дѣйственными и скоро утомляютъ аудиторію. Схоластическая проповѣдь предупредила задолго разсужденія Канта: въ ней было все на-лицо, чтобы покорить разсудокъ слушателей, аргументы въ пользу какого нибудь тезиса слѣдовали здѣсь десятками, цугомъ, одинъ за другимъ, — тутъ были и *exemplum* и *testimonium* и пр. побѣждающія разумъ орудія. И однако схоластическая проповѣдь весьма мало вліяла на слушателей. Да и нынѣ немало пишется проповѣдей по схоластическимъ завѣтамъ, — онѣ начиняются и заряжаются солидными *доказательствами*, напр., въ пользу посѣщенія храмовъ, любви къ врагамъ, молитвы за усопшихъ и т. д. Но эти аргументы сплошь и рядомъ забываются такъ же скоро, какъ газетныя объявленія, и не оказываютъ замѣтнаго воздѣйствія на слушателей. И это понятно: разуму нашему принадлежитъ прерогатива видѣть и понимать „еже доброе и лукавое“, но двигать человѣка въ ту или иную сторону онъ не можетъ безъ содѣйствія воображенія и чувствъ. Ученіе ап. Павла о двухъ человѣкахъ, живущихъ въ насъ и противорѣчащихъ одинъ другому — *aeterna veritas*, сознаваемая и въ языческомъ мірѣ: язычникъ Овидій въ своихъ „Метаморфозахъ“ плачетъ: „*Aliudque cupido, Mens aliud suadet, Video meliora proboque, Deteriora sequor*, lib. VI;

т. е. страсть внушаетъ мнѣ одно, а разумъ другое; вижу лучшее и одобряю, а слѣдую за худшимъ!

Такимъ образомъ, приблизить истину къ сердцу человѣка и побудить